

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

ИЗ КИЕВА С ЛЮБОВЬЮ *Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I*

№ 55. «Богоизбранный архиерей» [начало ? 1735 – апрель 1737 ?]; «богоизбранный император и жених цесаревны Елизаветы Петровны» [конец апреля/май 1737 – январь/февраль 1738 ?] – Иеракс (монашеское имя); мирское имя неизвестно

Очередной соискатель трона, а заодно руки и сердца представительницы правящей династии был православным и, вероятно, украинцем. Его малой родиной был Злочев (Золочев) – небольшой город в Галиции к востоку от Львова. О дате рождения и родителях нашего героя сведений нет. Можно лишь полагать, что поначалу Иеракс принадлежал к «мещанам». Можно также утверждать, что он умел читать и писать на русском (а значит и на украинском), латинском и, вероятно, польском языках: в юности получил школьное образование по западному образцу или прошёл курс обучения, будучи уже монахом. Был женат на уроженке Злочева и, видимо, овдовел.

Мы не знаем, сколько лет будущий самозванец жил в браке, имелись ли у него дети, когда именно он стал монахом Киево-Печерской лавры. Постриг же он принял, скорее всего, не позже 1730 года. Дело в том, что после воцарения Анны Иоанновны было запрещено постригать кого бы то ни было, кроме вдовых священников и отставных солдат, а наличных монахов следовало переписать. Эта перепись 1732 года открыла много постригшихся вопреки указам; их было велено расстригать и отдавать в солдаты. Кроме того, ещё Пётр I указал принимать в монахи только лиц не моложе 30 лет. Значит на момент пострига Иеракс не мог быть младше.

О его жизни в лавре до 1735 года опять-таки известно мало. Вероятно, во время храмовых служб он был чтецом или певцом. Всё бы ничего, да у нашего героя появилось навязчивое желание уехать в Москву и стать архиереем, посему он монахам и бельцам «говаривал многократно, чтоб ево послать в Москву, а он де в Москве будет учить латинской школе и будет архиереем, а здесь де он напрасно живёт». Уверенность в том, что он получит архиерейское звание, возникла у Иеракса после явления Богородицы.

Поскольку в лавре был обычай отправлять «сумазбродов» на житьё под землю, не позднее мая 1735 года Иеракса – «по признанию ево в несостоятельном уме» – перевели в Ближние (Антониевы) пещеры. Но это не помогло. Как потом вспоминал «Антониевой пещеры начальник» иеромонах Венедикт, его подопечный по-прежнему порывался уехать в Москву. Более того, примерно в июне – сентябре 1735 года «Иеракс, будучи в церкви Воздвижения Честнаго Креста (наземная, прямо у холма с Ближними пещерами. – О. У.) во время литургии, стоя на крылосе, глядя на образ Пресвятыя Богородицы, махая рукою, кричал: "Ты де меня обещава архиреем зделать, а неправду зделала, солгала!" И потом говорил хулныя слова... Толко де как он, Венедикт, вскоре приказал того Иеракса, взяв, отвести в тюрьму, и... Иеракс бранил ево... и называл жидом, а той же пещеры иеромонаха Лва... бранил матерны и называл турченином. И по приказу ево, Венедикта, оной Иеракс содержан был в тюрьме сутки з двоим и болши». Иеромонах доложил обо всём архимандриту Роману Копе и «просил, чтоб... Иеракса приказал за тем безумством сослать. И... архимандрит сказал ему, чтоб... Иеракс жил до времени, пока он, подумав, велит ево куда сослать, и велел ему, Венедикту, того Иеракса ис помянутой тюрьмы свободить, которого он и свободил».

Следующие два года Иеракс провёл всё там же – в подземелье, выходя на свет лишь по особому разрешению. Хотя он иногда «бесновался», ему тем не менее доверяли водить богомольцев по Ближним пещерам. У него появился приятель – иеродиакон Кириак, приговорённый к жизни «в пещере» за любовь к крепким напиткам. Примерно в январе – марте 1737 года Иеракс убежал из лавры¹, но был пойман в Переяславле (значит шёл на восток – в Москву?). Когда беглеца доставили в Киево-Печерский монастырь, то по приказу архимандрита (им был уже иеромонах Вассиан) его наказали плетьюми и вновь отдали под надзор Венедикту. Но и потом «Иеракс говаривал, что он будет в Москве учить латынской школе и будет в Москве архиереем. И он, Венедикт, многократно ему о том воспрещал, чтоб он того говорить не дерзал».

Получилось так, что Иеракс в конце концов послушался наставника. Но потому, что повысил уровень своих притязаний: им овладела идея монархического самозванства. Наш герой начал полагать, что ему предназначено свыше стать императором после смерти Анны Иоанновны и жениться на самой цесаревне Елизавете Петровне. И опять свою роль сыграло видение Богородицы. Хотя со времени Петра I монахам запрещалось держать чернила и писать что-нибудь без ведома настоятеля, потенциальный лжегосударь вознамерился отправить письмо цесаревне. Бумагу, чернильницу и сургуч ему дал Кириак. Увы, письмо не сохранилось. Но согласно показаниям тех, кто его читал, оно было написано «на целом листу... у которого было... три сургучёвые печати»; адрес на нём был такой: «Наеснейшей Государыне цесаревне Елисавет Петровне». В самом письме, в частности, говорилось: «Наеснейшая Государыня цесаревна, приезжай в Киев, я тебе всё расповем (поведаю. – О. У.), что мне Пресвятая Богородица сказала»; «Наяснейшая цесаревна, я де буду по сей Императрице император в Москве, а ты, Государыня цесаревна, мне женою».

Иеракс, видимо, надеялся, что Елизавета Петровна лично увезёт его в Москву, и там он будет с ней жить, пока не умрёт Анна Иоанновна. Но сначала было нужно переправить послание адресату. И взор нашего героя обратился на паломников русских. Дадим слово пономарю Аммосу, тоже обитателю Антониевых пещер: «Были де на пещере богомолщики, не ведаю де – из Москвы, не ведаю – ис Питербурха, и... Иеракс оных богомолцов водил по пещере, и с ними разговаривал... и просил, чтоб они то письмо свезли в Санкт-Питербурх, и ходил де с тем писмом к ним на квартиру. И при самом де тех богомолщиков ис Киева отъезде то письмо отдали своим знакомым и просили их, чтоб они то письмо отдали начальнику. И то де письмо отдали ему, Аммосу, здешние жители... и велели то письмо, показав, ему зжечь, а... Иеракса из оной пещеры

* Продолжение. Начало см.: Родина. 2006. № 6–10, 12; 2007. № 1–3, 5, 7, 9–11; 2008. № 1, 4, 5, 7, 9, 11.

сослать, понеже де он беснуетца». Потом Аммос уточнил, что из рук автора послание получила и передала монастырским властям некая «московка».

Итак, в конце апреля – мае 1737 года любовное письмо Иеракса оказалось у Аммоса. Тот распечатал послание и, взглянув на текст, в страхе поспешил к... Венедикту. В подземной келье последнего и состоялось «проявление» нового лжемонарха. Пономарь вручил Венедикту бумагу со словами: «Вот де наш Иеракс какую беду зделал!» Иеромонах, прочитав имя адресата, тоже «испужался и спросил... Аммоса, где он то письмо взял». Получив ответ, Венедикт прочёл письмо, очевидно, вслух. Сразу после этого он, взяв эпистола, пошёл в упоминавшуюся Крестовоздвиженскую церковь и там в алтаре, «призвав, спрашивал... Иеракса, что он то письмо писал ли? И... Иеракс сказал ему, что он никуды не писал. И он, Венедикт, приказал... Иеракса отвезть и посадить в тюрьму, в которую беснующих сажают. И

потом... Венедикт, призвав вышепомянутого иеродиакона Кирьяка, спрашивал его: "Давал ли де ты оному Иераксу бумагу и чернилницу?" И... Кирьяк сказал ему, что он... Иераксу бумаги и чернилницы не давал».

Венедикт сообщил обо всём писарю при экономе² – иеродиакону Варлааму (хотел посоветоваться с приятелем?). Тот попросил встречи с Иераксом: «И спрашивал... Варлаам... Иеракса: "Как де ты можешь быть женат, понеже ты монах?" И... Иеракс сказал... Варлааму: "Это де и в Полше было, что монах стал королём, а имянно Казимер", – о чём де он, Иеракс, и историю читал» (на этот счёт самозванец соврал. – *О. У.*). Затем Венедикт, «не доумев, что с тем писмом делать», вручил его архимандриту Вассиану. «Венедикт... Вассиану говорил же: "Мнитца де мне, что то писмо надобно объявить господину губернатору". И... Вассиан говорил... Венедикту: «Нам де поставят в вину, что такого Иеракса малоумного держали». И того ж времени велел... Вассиан позвать соборных иеромонахов»³.

Помимо архимандрита и Венедикта, в экстраординарном заседании духовного собора участвовали эконом Моисей Якубович, Иоиль Савицкий, «начальник Феодосиевой пещеры» Иероним, экклезиарх⁴ Илиодор «и протчие», среди которых были, видимо, Лука – писарь лавры и «палатный» (келарь)⁵ Иоакимф Максимович (позднее он окажется под следствием по делу Ивана Миницкого)⁶. Иоиль позднее напишет: «А тот де Иеракс прямо и на соборе сказал и не отрекается своего слова – некак де дурной. Мы знаем, по каким пунктам решить не можно, а это де дело и нам решить можно». Самозванца отправили обратно в подземную тюрьму, а надзирателям наказали, что «не велено де к нему никому ходить и с ним говорить, покамест соборныя что уособуют».

Иеромонахи «соборовали весь день», решая судьбу Иеракса, ибо «за ним великое дело показалось». В итоге архимандрит огласил такое решение: злополучное письмо оставить на хранение в монастырском архиве («А потом де можем его зжечь»); «Иеракса за написание того писма вместо кнута бить плетми, и, заковав, послать всылку в приписной к Киево-Печерскому монастырю Омбишской монастырь⁷, и содержать его в том монастыре скована под крепким караулом до смерти его». Было предложение наказать и Кириака («бить... жестоко»), но не решились, видно, потому, что пришлось бы сообщить прочей братии о его проступке, а значит, и о факте самозванства. Между тем собор постановил хранить в строгой тайне информацию о прегрешениях Иеракса и каре ему.

Руководство монастыря, конечно, не сочувствовало самозванцу, но при этом укрывало его от светских властей. «Соборные» опасались, что, если дело всплывёт, накажут их тоже. Не случайно Венедикт, когда Кириак просил у него прощения за невольную помощь самозванцу, сказал: «Это де дело великое, за это де голова долой».

Итак, «намесник Вассиан послал служителей своих и велел... Иеракса отвести к... Моисею Якубовичю и учинить ему, Иераксу, по приговору; которой и взят к означенному эконому». После экзекуции лжемонарх так и остался в тюрьме эконома, где провёл на цепи не менее пяти дней. За это время, вопреки соборному запрету, писарь Варлаам разболтал о проделках Иеракса как минимум восьми иеродиаконам, в том числе Кириаку, пономарям Илье и Виктору, крылошанам⁸ Феодосию Калачнику и Герману, переплётчику Иулиану. Повлияло ли это на действия монастырских управителей, мы не знаем, как не знаем и того, почему самозванца не удалили из обители сразу. Не позднее начала июня он, закованный в кандалы, был отправлен-таки в Омбишский монастырь.

В октябре – декабре 1737-го он сбежал и, вероятно, к весне уже был на родине. Что касается его послания цесаревне, то лаврский писарь Лука «то писмо по взятые от иеромонаха ж Иоиля Савицкого, опасаясь того, чтоб кто того писма не смотрил, и что де об оном Иераксе слышно было, что он безвестно пропал, то писмо с простоты своей, без всякого умыслу и не советуя ни с кем, в келье с[воей] зжёт».

Но тут на сцену вышел тот самый любитель выпить – Кириак. Обозлённый тем, что его тоже отправили в Омбишский монастырь в декабре 1738 года и, видимо, недовольный тамошней жизнью, он сказал за собою «государево слово и дело». Это случилось примерно

8–9 августа 1739 года. Кириака доставили в Киевскую губернскую канцелярию, и там он объявил, что хочет сообщить о государственном преступлении, в котором замешаны игумен Омбишской обители Иннокентий и два монаха Киево-Печерской лавры – Венедикт и «подполатный» (помощник келаря) Фтеона. Они без долгих проволочек были арестованы и вместе с Кириаком отправлены в московскую контору Сената. Оттуда их отвезли в Тайную контору и сразу «расспросили» (конец августа – начало сентября).

Обвинения в адрес Иннокентия следователи сочли неважными. Гораздо больший интерес вызвал донос на Фтеону: якобы тот говорил Кириаку о «царевиче», который у него «жил в полате три года». Однако Фтеона отрицал, что говорил нечто подобное. Кроме того, оказалось, что речь идёт об уже казнённом Иване Миницком. Кириаку за ложный извет грозило суровое наказание, и он рассказал об Иераксе. Только тогда гражданские власти узнали о самозванце. В Тайной конторе оказались ещё 12 монахов – те, кто мог рассказать о проделках Иеракса в Киево-Печерской лавре. Следствие длилось по крайней мере до ноября 1740-го, но Иеракса не нашли. Последнее известие о нём датируется концом 1739 года, когда новый архимандрит Киево-Печерской лавры Кодрат сообщил властям: «А ныне де эхо носитца, яко оной Иеракс в Полше около местечка Золочева по разным [ме]стам в прежней своей меленколичной болезни [бр]одит, понеже де он ис того местечка родом и свойственников тамо имеет». Очевидно, до конца своих дней несостоявшийся жених Елизаветы так и жил в Галиции.

Источники

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 272. Ч. 16. Л. 171 об. – 178 об., 189–192 об.; Д. 367. Ч. 2. Л. 189–202 об.; Д. 367. Ч. 2. Л. 188–202 об.

Литература

Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М. 1999. С. 45

Примечания

¹ Со времени Петра I монах мог отлучаться из монастыря не более четырёх раз в год и то с особого разрешения настоятеля.

² Эконом – управляющий движимым и недвижимым имуществом обители.

³ Соборные иеромонахи – члены «духовного собора», коллегиального органа управления лаврой во главе с наместником.

⁴ Экклезиарх (екклесиарх) в Киево-Печерской обители ведал всеми церквями, ризницами, утварью, производством и продажей свечей, колокольным благовестом и церковной стражей.

⁵ Келарь – заведующий монастырским столом, кладовой со съестными припасами и отпуском таковых на монастырскую кухню. В Киево-Печерской лавре келарь ведал также трапезной и просфорней.

⁶ См.: Родина. 2008. № 11.

⁷ Новопечерский Омбишский монастырь, видимо, был на Черниговщине – недалеко от села Омбище, лежавшего в окрестностях города Борзны.

⁸ Крылошане – от «крылос (крилос, клирос)» – церковные чтецы и певцы.